

ИННА ТРОНИНА

Дерзость

Инна Тронина

Дефолт

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=20536536
мультимедийное издательство Стрельбицкого;*

Аннотация

Сентябрь 1998 года. Во время паники, вызванной объявленным в России дефолтом, кончает с собой преуспевающий бизнесмен Артем Лукьянов. Его вдове Александре Шульге объявляют, что Артем разорился, а перед этим задолжал кредиторам. Следовательно, она должна передать оставшееся имущество в счет погашения долгов супруга. Сломленная, испуганная женщина платит и остается без денег и имущества. У нее случается выкидыш. Кроме того, бандиты похищают ее дочку Аллу после того, как в назначенный срок Александра не смогла передать им деньги. К делу Шульги подключается сотрудница частного розыскного агентства Оксана Бабенко, которой удастся выяснить сенсационные подробности...

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Инна Трoнина

Дефoлт

Глава 1

Эта женщина выделялась даже в уличной толпе, а в гостиной, где ожидали приёма астролога всего пять человек, она тем более привлекала внимание. Стройная, тонкая, с нежным овалом лица, кожей цвета топлёного молока, со вкусом накрашенная, причёсанная небрежно и в то же время стильно, она сидела неподвижно, придерживая на коленке шляпку и слушая плеер. Женщина казалась болезненной и бледной, а волосы её, напротив, при каждом движении головы вспыхивали искрами красного граната.

Хозяйка салона узнала её моментально, хотя тогда, летом, клиентка была совсем другой – загорелой, весёлой, с гладким безмятежным лицом. И оделась перед визитом не в мрачную коричневую рубаху, а в блузку «под зебру», полоски которой ярко светились в полумраке кабинета. А вот сумка та же самая, прошлогодний парижский шик – грубо простроченный льняными нитками травянисто-зелёный портфель из плащёвки, весь в металлических замочках и фигурках.

Длинные пальцы женщины сжимали ручки портфеля, гла-

дили вставки-заплатки, испещрённые мелкими надписями, и вдруг заплелись, замерли, окостенели. Увидев астролога, клиентка привстала, давая понять, что сейчас её очередь. На диванчиках и в креслах зашевелились остальные посетители, а по холлу пронёсся пахнувший дорогими духами ветерок – каждая дама считала свою проблему самой важной.

– Здравствуйте! – Очаровательная шатенка сняла наушники.

Она крепилась изо всех сил, но уже почти не владела собой – карие глаза её наполнились слезами, а губы расплзлись в плаче. На правом её веке хозяйка салона, как и при первой встрече, заметила крупную родинку – признак раннего и счастливого брака. Другое бархатное пятнышко кокетливо прилепилось под верхней губой.

– Здравствуйте.

Та, встречи с которой ожидали собравшиеся в гостиной, видела лишь одну из них. Имени её, разумеется, не помнила, но, кажется, муж этой женщины – преуспевающий бизнесмен, и у него оказался неважный прогноз на эту осень.

– Одну минуту, я только глотну кофе. Подождите меня здесь, пожалуйста.

– Да-да, конечно. – Шатенка снова села, прикусила перламутровую губу и обречённо надела наушники.

Из кабинета астролога вышли две девицы с модными «рваными» стрижками, в цветных маечках, обтрёпанных джинсах и кроссовках. Каждая несла спортивную сумку с

торчащей оттуда ракеткой. Девчонки, ожидая приёма, успели сообщить всем присутствующим, что целых два года специально ходили на корты, искали там перспективных мужчин.

Наконец-то в кафе клуба «Матчбол» на улице Восстания захомутали одного на двоих и стали жить шведской семьёй, благо в ЗАГС идти не собирались. Но их общий любовник, едва грянул кризис, пропал, сославшись на проблемы в бизнесе. И вот теперь им нужно выяснить, стоит ли его искать, или следует перебазироваться на корты «Ленфильма».

За шатенкой занимала очередь дама в широкополой шляпе и полупрозрачном платье. Рядом с ней притулился анемичный юноша – единственный мужчина в дамской компании. Юноша мечтал учиться за границей и знал уже три языка. Кроме того, мать жаждала получить ответ на вопрос – светит чаду перспективная работа за бугром, и сможет ли оно убраться из сотрясаемой постоянными катаклизмами страны.

Скромно прижавшаяся в углу пенсионерка отдавала последние, с боем вырванные в банке «гробовые», чтобы узнать, есть ли возможность наконец-то разъехаться с ненавистой невесткой.

Деревянные панели, причудливые светильники, картины на стенах, паласы и цветы, весь изысканный интерьер гостиной настраивали на покой и дрему, на философские раздумья и осмысленные, правильные поступки. Но собравшиеся

всё равно нервничали, переговаривались громким шёпотом, перебивали одна другую с таким жаром, словно соседки по очереди чем-то могли помочь. Лишь шатенка не принимала участия в коллективной исповеди, сидела, словно изваяние, и слушала бесконечную музыку.

– Прошу вас! – пригласила вернувшаяся хозяйка салона, сверкнув голубоватыми стёклами очков.

За дверью начинался совершенно другой мир, весь состоящий из беспредельного мрака и света лампы, падающего на чёрную гладкую столешницу. Клиентка осматривала кабинет астролога с опаской. Ей казалось, что в темноте кто-то притаился и следит за ними. В то же время она прекрасно знала, что все страхи – наваждение. Привыкнуть к ирреальному миру шатенка не могла, и поэтому, устраиваясь у стола, чувствовала, как по спине и щекам бегают мурашки.

Ещё при первом посещении она запомнила этот полированный стол, листки бумаги, карандаш – чтобы делать записи во время беседы. Как и тогда, кабинет украшали камни разнообразных форм и оттенков; некоторые из них, укрепленные на подставках, напоминали яички. Другие, с острыми гранями, угловатые, как кристаллы, хозяйка расставила в определённом, известном только ей одной порядке. Лишь компьютер казался родным, знакомым, таким же, как у них дома – «Ай-Би-Эм» с защитным фильтром на мониторе.

А вот хозяйку салона клиентка откровенно побаивалась и не скрывала этого. Вся в чёрном бархате, большеглазая,

скуластая, она напоминала ориентальную кошку – благодушную, но диковатую. Профессионально наложенный макияж, длинные, серебряные с прозеленью, ногти, и на каждом пальце – по огромному перстню. Все камни разные, но слишком большие для колец. Наверное, рукам тяжело, тем более при работе на компьютере. Шейный браслет, множество подвесок – всё это, видимо, требовалось для выяснения чужих судеб. Из тёмных зеркал на стенах, казалось, лился потусторонний свет, будто и не зеркала это были, а окна, выходящие прямо в космос.

– Вы, кажется, не впервые здесь? – Хозяйка смотрела заинтересованно, словно судьба клиентки на самом деле не была ей безразлична.

– Мы приходили к вам в июне, всей семьёй. Всё получилось так, как вы и сказали. Муж разорился из-за всех этих событий...

Очень, очень она изменилась, несмотря на то, что черты лица такие же чёткие и правильные, а губы сочные, тщательно нарисованные. Кожа увяла и шелушится, пожжённая солнцем. У глаз светлеют морщинки, а лоб портит глубокая вертикальная бороздка. На скулах проступают коричневые пятна, которых летом не было. Очевидно, мадам раньше часто баловала себя масками, кремами и компрессами, а теперь ей не до того – разорение мужа есть и её личная трагедия.

– Я припоминаю ваше семейство. – Хозяйка ещё раз по-

пробовала восстановить в памяти тот, первый разговор. – Ваш муж, кажется, спрашивал, стоит ли ему в этом году открывать ещё одну фирму?

– Да, Артём тогда имел большие планы. И не сомневался, что у него, как обычно, всё получится. Он ведь всегда относился к респектабельным, высокообразованным бизнесменам. Работал только в уполномоченных структурах, принадлежал к бизнес-элите...

– Что значит «уполномоченная структура»? – перебила хозяйка.

– Значит – околосударственная. Никаких авантюр, и демонстративная роскошь всегда была ему противна. Он – не нувориш, нет. Артём – настоящий трудоголик, работал по десять-двенадцать часов, и это как минимум. Никогда никаких казино, голых девочек и ванн с шампанским. И потому особенно обидно то, что из-за финансового кризиса его бизнес если не рухнул, то оказался сильно подорванным. Выполнение заключённых контрактов под угрозой срыва. Если положение не исправится, Артём потеряет всё. А ведь на него деньги не с неба падали! Он – не вор, не бандит, не мошенник, а почему-то должен сейчас страдать.

– Вы работаете? – Хозяйка поигрывала «мышью», разглядывая мерцающие пунктирные линии на дисплее. – Я, кажется, советовала вам...

– Да, Артём устроил меня на службу – совсем недавно.

– В одну из дружеских фирм? Или в свою собственную?

– Нет, я совершенно не способна к коммерческой деятельности, ничего не понимаю в этом. Типичный гуманитарий, окончила курсы МИД по английскому, испанскому и французскому, но пришлось поступиться амбициями и пойти секретарём-референтом в лицей при одном из столичных продвинутых ВУЗов. Моё университетское образование им не подошло...

– Ваш муж – новый русский, но и вы – новая женщина, не правда ли? Не утратив женственности, вы стали сильной, целеустремлённой и уверенной в себе. И это несмотря на то, что до последнего времени не работали. Теперь, видимо, ваша жизнь круто изменится. Вы ведь майская?

– Да, я родилась шестого мая шестьдесят третьего года.

– Если не ошибаюсь, в Молдавии? У вас романский тип лица.

– Да, в Кишинёве. Вы и это помните?! – восхитилась шатенка.

– Вас забыть трудно. Но имя, к сожалению, выпало из памяти.

– Меня зовут Александра, а мужа – Артём. Дочку нашу – Алла.

– Да, всё верно. – Хозяйка не хотела больше терять время даром. – Я очень рада, что вы приехали в Петербург и зашли ко мне посоветоваться. Возможно, я ещё смогу вам помочь, хотя... – Она задумалась на секунду, и когда подняла глаза, встретила испуганным взглядом клиентки. – Данные му-

жа напомните, будьте любезны.

– Родился тринадцатого сентября шестьдесят первого года в Туле.

Александра подалась вперёд и увидела, как внезапно переменилось лицо астролога, а пальцы, играющие на клавиатуре компьютера, сжались в щепотку. Тревожный, даже обескураженный взгляд хозяйки заставил Александру вздрогнуть – она поняла, что случилось страшное.

– Вы ведь пришли ко мне за правдой, Саша, какой бы горькой она ни была, и за возможность узнать свою судьбу вы платите деньги. Поверьте, мне очень трудно говорить о том, что вас ждёт, но я не имею права жалеть клиентов, потому что ложь пойдёт во вред и мне, и вам. Кто предупреждён, тот вооружен – слышали такую мудрость? Так вот, я не имею права скрывать, что вашему мужу, да что там, всей семье угрожает опасность. Если вы сейчас выслушаете меня и примете сказанное к сведению, удар не обрушится внезапно, и вы сумеете противостоять злу.

– Но что с ним, что?!

Александра выронила сумку, не глядя, подняла её, прижала к груди, словно заслоняясь от жутких слов, которые били, как камни, больно и тяжело. Она даже не пыталась ничего записать, и, кажется, забыла, как это вообще делается.

– Говорите! Всё говорите, ничего не скрывайте! Я же жена ему!..

– Понимаю вас. Понимаю и сочувствую. – Хозяйка ещё

раз взглянула на дисплей, и на её высоких скулах натянулась кожа. – Скажем так, вы поступили опрометчиво, приехав сюда без мужа, оставив его в одиночестве. Ему сейчас особенно нужно, чтобы кто-то был рядом.

– Но Артём не один, они там с Аллой вместе. Почему же...

– Дочка, наверное, посещает школу, да и после занятий не идёт сразу домой. А муж почти постоянно в квартире, в спальне, наедине со своими мыслями и заботами, верно ведь? Артём находится в глубокой депрессии, не следит за собой, почти не ест, пьёт только спиртное или крепкий кофе. Разве я не права? – Хозяйка салона старалась заглянуть Александре в глаза. – Я приглашала вас обоих!

– Да, но... – Саша прикрыла рот пальцами с белыми, будто эмалированными лопаточками ногтей. Её французский маникюр был безупречен. – Я не знала, что это так важно! И он всё равно бы не поехал.

– Надо быть внимательнее, Сашенька, и выполнять рекомендации в точности.

В голосе астролога зазвучали недовольные, резковатые нотки, а углы рта обиженно опустились.

– Вашему мужу сейчас не позавидуешь – он в панике, в ужасе. Он обезумел от безысходности, не знает, что делать. Разом возникло столько проблем, каждая из которых способна разбить всю жизнь. В таком состоянии человек ни в коем случае не должен быть предоставлен сам себе. За ним элементарно нужно следить, понимаете? Он может, в конце

концов, совсем сорваться, и тогда произойдёт нечто непоправимое...

Хозяйка салона смотрела сквозь очки, но Саша не видела её глаз, только слышала голос. И постоянно, как заводная кукла, кивала.

– Богатые, как известно, плачут громче всех, поскольку их горести – не чета горестям бедных. И выживать им нужно совсем не так – здесь не спасут ни грядки, ни милостыня. Самое лучшее, что вы можете сделать сейчас, – позвонить домой и узнать, как обстоят дела. И, если сегодня всё обойдётся, обеспечить дежурство, круглосуточное и неусыпное, около постели мужа. Подключите дочку – она ведь уже взрослая. Сколько ей лет?

– Четырнадцать. Алла учится в элитарной школе «Ретро», но в пансионе не ночует, приезжает домой. Каждый день за ней приходит машина и отвозит на занятия.

Александра достала из сумки одноразовый платочек в пакете, надорвала целлофан и вытерла глаза.

– Но, вы понимаете, у Аллы сумасшедшие нагрузки, и она не имеет возможности отвлекаться. Два языка, три вида спорта, музыка, живопись, танцы и ещё много всяких предметов, включая Закон Божий. А сегодня дочка поёт в хоре... – Саша всхлипнула, согнулась над столом.

– Тогда обратитесь к родственникам, к друзьям. Осознайте сами и дочери объясните – в счастье отца ваше счастье, в жизни отца – ваша жизнь, пусть даже в последнее время

между вами наметились трения. Вы ведь в нервной клинике лежали весной? По его вине?

– Д-да... Но я не говорила об этом! – испугалась Александра.

– Милая моя, вы ведь к астрологу пришли! – снисходительно улыбнулась хозяйка. – Я скажу больше, Саша. Вы не хотите потерять мужа ещё и потому, что сделали его сами, своими руками. Без вас он при прочих равных условиях никогда не стал бы тем, кем стал. Пресный, как варёная треска, но не испорченный столичной жизнью провинциальный мальчик питался именно вашими амбициями. Вы сделали из него сначала москвича, потом – кандидата наук, далее – регионального менеджера по торговле компьютерными программами. И, наконец, – директора фирмы! Пройдя рука об руку через все преграды, совместно накопив на мебель и первый автомобиль, вы не хотите утратить Артёма именно сейчас. Сначала разлучницей могла стать женщина, а в последнее время добавились более серьёзные обстоятельства. И вот поэтому вы должны обратиться к тульским родным мужа. И не скрывайте от них, что у Артёма очень плохой прогноз на ближайшее время.

– Он заболит? – Саша даже думать не хотела о более страшном.

– Он может покончить самоубийством, к сожалению, – печально сказала хозяйка, просматривая гороскоп Артёма на дисплее. – Это очень вероятно, и вы должны немедленно

вернуться к нему. Пока он жив...

– Не может быть! – Александра глядела жалобно, удивлённо, будто маленькая обиженная девочка. – Вы вообще-то правильно всё про нас сказали, но Артём не способен на суицид. Он ни при каких обстоятельствах не терял головы, и я всегда удивлялась его выдержке. Мне казалось, что у мужа просто нет нервов, и я в последнее время начинала его за это тихо ненавидеть. Когда я попала в клинику, Артём сказал, что я просто распушенная истеричная баба. Он ведь вызывал «скорую», когда я наглоталась снотворного. И ещё – он верующий. Действительно верующий, его ещё бабушка в Туле каждую неделю водила в церковь. Он меня стыдил, ругал, а сам... Никогда!

Саша закусила уголок платка, зашла в плаче, но хозяйка кабинета не пыталась её успокоить. Она сидела и ждала, когда припадок закончится.

– Про любовницу я догадывалась, это всё из-за неё. У многих друзей мужа поменялись жёны, да ещё не по одному разу. Со студенческих времён сохранилась только наша семья. И я так боялась, что рухнет этот последний бастион! Артём отнекивался, отшучивался, но я ему не верила. Теперь ему ни до чего, до той... нет дела. Да, бизнес дал трещину, фирма понесла громадные убытки, но у нас пока есть, на что жить, и даже учить дочку. Мы всё просчитали, ведь наши средства были вложены не только в проблемные банки. Две квартиры, две машины, дача с участком, драгоценности.

И наличка на руках имеется. Мы пострадали не так уж сильно по сравнению с другими, не потонули окончательно, и потому можем протянуть, побороться. Поверьте, Артём никогда не бросит нас с дочкой! Вы в данном случае ошибаетесь, ведь вы его совсем не знаете. А мы пятнадцать лет вместе – за это время можно узнать человека...

– Это вы его не знаете, Сашенька.

Хозяйка салона старалась говорить как можно ласковее, теплее, но ужасный смысл слов сводил весь такт на нет. И речь звучала, как приговор.

– Вы догадывались, что муж вам изменяет. Но, кроме того, он был неразборчив в общении. Гнал за количеством, а не за качеством друзей, если можно так выразиться. Многим, особенно одному безгранично доверял, а этого не следовало делать. Набрал долгов на развитие бизнеса, надеясь потом отдать, но теперь у него таких шансов практически нет. Вдобавок ко всему, Артём и сам не безгрешен. Строя своё и ваше благополучие, он нарушал закон, причём далеко не по мелочи. Скорее всего, сейчас и эти давние дела всплыли. Вы можете мне не верить, но факт остаётся фактом. Жаль, конечно, что вы совершенно не разбираетесь в делах своего мужа, – почему-то очень горестно продолжала хозяйка. – Вам было бы намного легче сейчас, но чего теперь жалеть!.. Одним словом, у него может возникнуть соблазн моментально разрубить узел. Ему жаль вас с дочкой, конечно, но для себя иного выхода он не видит. Возможно,

он хочет тем самым вас спасти, избавив от себя, источника всех зол. Но это не так – ваш муж ошибается кардинально, и вы обязательно должны ему об этом сказать. Те, кто сейчас отравляет Артёму жизнь, в случае его самоубийства ещё более ожесточатся. А ведь вы с дочкой останетесь жить, и попадёте под удар. Я очень хотела бы вас чем-то утешить, но пока не могу. Один только совет – сейчас же, нигде не задерживаясь, на самолёте, вы должны вернуться в Москву. Если супруг до тех пор не успеет свести счёты с жизнью, считайте, что вам повезло. Тогда легче будет удержать его...

– Я сейчас же еду! – Александра застегнула сумку, вскочила. – Но... для меня очень это важно... Артём действительно мне изменяет?

– Да, в течение двух последних лет. Но об этом мы поговорим в другой раз, когда вы навестите меня вместе с мужем. На сегодня вопрос измены – второстепенный. Забудьте пока об этом, тем более что муж любит и вас, и девочку. Его роман не затрагивает семейных устоев, хотя требует значительных материальных затрат. Но, несмотря на обиду, вы обязаны мужа спасти. И, по возможности, простить...

– Я постараюсь.

Саша, так ничего и не записав, направилась к двери, чему хозяйка изрядно удивилась и пристала за столом.

– Извините, я ещё не закончила. Пять минут здесь погоды не сделают, а вы узнаете ещё массу интересного о себе и дочке.

– Ой, да, конечно! Я уже ничего не соображаю! – Саша вернулась и опять села на стул, уставившись в паркетный пол.

– Минутку. – Хозяйка мимолётно улыбнулась, затем вновь помрачнела. – Вы беременны? Скорее всего, на третьем месяце.

– Да, я жду ребёнка. Артём очень хочет сына, долго уговаривал меня сохранить эту беременность. Обещал мне чаще бывать дома и ни на секунду после работы нигде не задерживаться, а также все выходные проводить с семьёй, о чём давно мечтаю. У него должен быть стимул, понимаете? И род Лукьяновых продолжится. Не знаю, получится ли мальчик, но меня очень тянет на солёное. И я села на нож...

– То есть?.. – Хозяйка удивлённо взглянула поверх очков.

– Нож и ложка кладутся на два соседних стула. Я, с завязанными глазами, сажусь на первый попавшийся стул. Сесть на лож – к мальчику. Глупо, конечно, но знать-то всё равно хочется, – виновато улыбнулась Саша.

– Не так уж глупо, судя по всему. Ведь у вас действительно будет сын. Немного погодя вы можете частным образом провериться на УЗИ, чтобы мне не выглядеть голословной. И я должна предупредить, что вы лишитесь кого-то из своих детей – или дочери, или сына. Не родившегося сына, потому что случится это в конце года. Я понимаю, каково вам выслушивать всё это, но вы ведь сильная женщина. Даже сами ещё не знаете, насколько сильная. И вы должны беречь сво-

их детей.

– Аллочка?.. неужели? Её убьют? – Саша села прямо, широко распахнув глаза, и густые волосы её тихо шуршали за спиной. – Это точно?..

– Нет, не точно, но вполне вероятно. Скорее всего, вашей дочери угрожает автокатастрофа. Что касается вас, то опасайтесь тяжёлой болезни, поражающей мозг. Вполне вероятно, что Новый год вы встретите в одиночестве. И самое главное – когда вам будет очень тяжело, примите неожиданно предложенную вам помощь. Ни в коем случае не отказывайтесь, даже если вы сочтёте чужое участие в вашей судьбе неуместным. Только чудо сможет вас спасти, и не пропустите это чудо. Будьте готовы к тому, что друзья предадут вас с мужем. И всё же постарайтесь уберечь его от рокового шага. Вот и всё на сегодня, остальное – при следующей встрече, когда минует главная опасность. Не смею вас больше задерживать, ведь остаётся не так уж много времени. Ещё раз попрошу вас прямо отсюда ехать в аэропорт и ни что не отвлекаться. Сейчас мы выйдем вместе, и я провожу вас до кассы. Там заплатите за сеанс.

Хозяйка салона встала и, пропустив Сашу в гостиную, закрыла дверь на ключ, сказав резво подскочившей матери вундеркинда:

– Одну минуту подождите, я только попью кофе...

Протиснувшись между припаркованными на бульваре иномарками, Александра выбежала на Невский. Натыкаясь на встречных прохожих, обгоняя и толкая идущих к «Пассажу», бросилась прочь от затемнённого кабинета, от уютной гостиной и резных лесенок, от млажаваой симпатичной предсказательницы и от её клиенток, которые, конечно же, не слышали сегодня такого ужаса...

Тёплый солнечный день будто бы смеялся над людскими невзгодами, и всегда любимая ранняя осень вдруг стала Саше ненавистна. Усталая, измученная многодневной паникой толпа сбивалась в очереди у магазинов и банков. Кое-кто демонстративно разъезжал по театрам и концертным залам, являя пренебрежение всем материальным и пристрастие к вечным ценностям, не подвластным никаким финансовым кризисам.

Из автомобилей доносилась музыка; каждая магнитола орала своё. Саша заткнула уши, будучи не в силах достать свой плеер. Да и дико слушать музыку после того, как узнала такое про дочку, про мужа, про себя, наконец.

Измена. Артём действительно изменял ей. Друзья могут предать. Артём набрал долгов, конечно, под проценты, и теперь не может отдать. Кому-то зря доверяет. Аллочка, автомобильная катастрофа. Мальчика нужно беречь. Надо ска-

зять Артёму, что точно будет сын. Тогда муж ни за что не наложит на себя руки – он всегда мечтал о наследнике. И вот желаемое так близко, и потому Артём должен, забыв обо всех своих заморочках, быть рядом с женой, холить и лелеять её.

Ну и дураки же они, мрачные мужики в крутых «тачках», всё время слушают новости с биржи, а разве это в жизни главное? Да пусть бы всё рухнуло вообще, сгорело ясным пламенем, лишь бы не слышать проникновенного женского голоса, от которого стынет в жилах кровь...

Невский, как всегда, шумный, пёстрый, стрелой уходил в бесконечность. Саша на онемевших от страха ногах уже не бежала, а шла, покачиваясь, и тупо соображала, как отсюда быстрее добраться до гостиницы. В «Неве» она остановилась всего несколько часов назад, будучи в твёрдой уверенности, что удастся хоть переночевать в Питере, погулять по городу, немного развеяться. Теперь же времени оставалось всего ничего, а нужно ещё успеть собрать вещи, заплатить по счетам и поймать такси до аэропорта. Билеты в Москву там всегда можно купить, самолётов идёт много, и заминок не будет. Главное – попасть в свой одноместный номер, который Саша так и не успела разглядеть.

Когда она спускалась в переход под Садовой, по колену попало тяжело нагруженной тележкой, и тонкие брюки-сигареты лишь чудом не порвались. Распаренная тётка с седыми всклокоченными волосами Сашу ещё и обругала, даже

плюнула вслед, но та не обернулась. Она ничего не заметила, и нога не ощутила боли. Эх, как бы хотелось волочь тележку, набитую первым попавшимся барахлом, скупленным в магазинной панике! Толкаться у враз опустевших прилавков, колотить кулаками в запертые двери с табличной «Переучёт» – это счастье! Или, поминутно хватаясь за мобильник, выяснять, на сколько ещё пунктов упал рубль! Да это ли горе, это ли гибель?! Получи Саша возможность откупиться от грядущих испытаний, без сожаления бы отдала всё, что имела, чувствуя себя при этом счастливой.

Люди, люди, зачем вы занимаетесь разной ерундой? Вам бы оценить собственное счастье! С вами семьи, дети. Пожалейте хоть их и себя заодно, оглянитесь вокруг, остыньте на минутку! Сколько окрест света и тепла, как невообразимо прекрасна эта тревожная осень! А ребятня радуется жизни и сейчас; вламываясь в троллейбусы у «Гостиного двора», школьники визжат, размахивая рюкзаками. Учебный год только начался, не запачкались ещё белые воротнички, не разгладились стрелки на мальчишечьих брюках, а всевозможные заколки в волосах девчонок сверкают, будто драгоценные.

Александра дотащила до трамвайной остановки, привалилась плечом к стене дома, не боясь запачкаться. Сил совершенно не оставалось, а голова тихонечко плыла. До сих пор обмороков не бывало, но сейчас сознание мутилось, и тошнило всё сильнее. Выйти нужно у Лебяжьей канавки, а

там – пешком. Можно через Летний сад, где всего два месяца назад они с Артёмом и Аллочкой гуляли, фотографировались на фоне статуй, под вековыми деревьями, у летнего дворца Петра Первого. И искренне считали, что лучше завершить автомобильный тур по Скандинавии невозможно.

Четырёхзвёздочный отель «Нева» приютил их на неделю, самую лучшую неделю в жизни, и нынче Саша не справилась с искушением. Почти разорённая, убитая горем, она вновь остановилась в «Неве», хотя вполне могла отправиться в астрологический салон прямо с Московского вокзала – вещей с собой почти не было.

Но решила побродить по тем местам, где им троем совсем недавно было так спокойно, так легко. В прежней, неожиданной и безвозвратно исчезнувшей жизни, они водили свою собачку к стоматологу, вырезку и сахарные кости покупали для неё только на рынке, а на время путешествий оставляли животное в лучшем номере специальной гостиницы. А сами, упиваясь своим благополучием, пользовались парфюмерией «Король-Солнце» и покупали всё, что хотели. Не отказывали себе и в малой малости, а о том, что расплата обязательно придёт, старались не думать.

За мутным стеклом трамвая истошно клаксонили, налезя одна на другую, пыльные иномарки. В Питере давно не шёл дождь. А у хозяев в последние дни не доходили руки. Вот и Артём забросил свою «Сузуки-Валено», на которой они и ездили в скандинавское турне. Несмотря на молодость,

муж при своей солидной комплекции мог влезать не в каждое авто, и потому выбрал вместительного «японца». Жене на юбилей он подарил «Хонду-Сонату» серебристого цвета, и перед отъездом Саша заперла её в московском гараже. Сейчас она почти не рулила – берегла себя.

Беспечные и любопытные туристы, они с фотоаппаратом и видеокамерой отправились в знаменитый астрочентр пешком, исключительно ради развлечения, и чтобы в Москве позабавить друзей. Не надеялись услышать ничего плохого и не поверили в то, что осенью семью ждёт разорение, а после обрушатся на их бедные головы и многие другие напасти.

Хозяйка салона настоятельно попросила всё семейство подъехать к ней в начале сентября, чтобы ещё раз попробовать построить гороскопы, и, по возможности, свести неприятные последствия к минимуму. Разорение Артёма Лукьянова свершилось, и Саше пришлось смириться.

Она с трудом доплелась до отеля; лёгкая сумка казалась набитой булыжниками. Еле справилась с входной дверью, но в холле неожиданно открылось второе дыхание. Захотелось сейчас же дозвониться до мужа, услышать его голос, убедиться, что ничего страшного не случилось. И попросить его обязательно дождаться, сообщить о предстоящем рождении сына – если ничего не случится, то в середине марта. Только бы совладать с собой, забыть про измену, не сорваться на крик, потому что сейчас это и впрямь не главное.

Вышколенный персонал отеля не демонстрировал ника-

ких эмоций. Когда заплаканная Александра заявила, что желает тотчас связаться с Москвой, её проводили к аппарату. Цифры расплывались перед глазами, и Саша путала кнопки, дважды не той стороной ставила в прорезь магнитную карту. Наконец сделала всё, как надо. И замерла, слушая бесконечные длинные гудки. Она мысленно просила Артёма поднять трубку. Отозваться, успокоить и пообещать, что всё будет хорошо.

Странно Артём вёл себя в последнее время – ведь знал о положении жены и отпустил её одну в другой город, ничуть не озаботившись тем, как она перенесёт путешествие. Раньше такого не было никогда. Артём Лукьянов носил благоверную на руках, даже когда она не была беременна. А после рождения Аллочки и вовсе не давал встать с постели, всё делал по дому, а после подолгу сидел рядом, держал за руку, хотя в том далёком восемьдесят четвёртом молодой матери ничто не угрожало. А сейчас что ему стоит всего лишь протянуть руку? Ведь аппарат стоит в спальне, на тумбочке, у изголовья мужа...

– Артёмка, пожалуйста, ответь! Ответь мне, милый, или я сойду с ума! Ты ведь знаешь, ты чувствуешь, как нужен мне!

Сашины липкие губы касались трубки, невольно целовали её, припадали к микрофону, как к роднику в пустыне. Пусть между ними сотни километров, муж обязательно услышит её. Ведь они умели говорить без слов, общаться на расстоянии, чувствовали, когда случалась беда и спешили на по-

мощь – даже когда между супругами уже не было прежних отношений. Но сейчас трубка равнодушно сигналила, а Саша не находила в себе мужества оставить попытки дозвониться и выйти из кабины.

Наконец, поняв, что все усилия тщетны, она ударила кулаком по столику под аппаратом, на котором лежал телефонный справочник, повернулась и пошла прочь. Скорее всего, мужа нет дома. Имеет же он право уехать по делам в фирму, на встречу с кем-то из сотрудников, из друзей. Наверное, вечером они встретятся, и не стоит отчаиваться раньше времени. Встретятся и закроются в спальне, где все стены завешаны семейными портретами, изображениями их таксы Бекки, недавно сдохшего попугайчика и разных экзотических растений, которых не встретишь в Европе. Туда же, на стены, Артём время от времени лепил буклеты с изображением новейших компьютеров.

В спальне Саша и поговорит с мужем начистоту, объявит, что ей всё известно, но она его ни в чём не винит, просто умоляет не оставлять их с Аллой без защиты, без опоры, наконец, просто без любимого человека. И ещё нужно попросить Артёма объяснить, какие у него после начала кризиса возникли проблемы в бизнесе, у кого именно он брал в долг, на каких условиях. Интересно, какая часть этой суммы уцелела на сегодняшний день, и можно ли расплатиться, став в конце вновь свободными, ни о кого не зависимыми.

А, может быть, они уединятся в гостиной, где стены оби-

ты китайским шёлком цвета зари, и потому кажется, что в квартире всегда утро, и на обои падает отсвет первых солнечных лучей. Шёлк был натуральный, в доме сразу же развелась моль, из-за чего Артём пригрозил ткань со стен содрать и на её место приклеить обои в авангардистском стиле.

Но всё это было раньше. Теперь мужа не интересует убранство новой замечательной квартиры в точечном доме на знаменитой Осенней улице...

Саша ворвалась в номер. Не отдохнув в мягком кресле, не взглянув в зеркало и не умывшись, бросилась собирать саквояж. Потом защёлкнула его на замочек, перекинула через плечо ремень сумки, вышла в коридор и сообщила горничной, что уезжает.

Она не переоделась в дорогу, осталась в тех же брюках, коричневой рубашке и шляпе «а-ля Хрущёв», которую летом привезла как раз из Питера. Не причесалась, не освежила макияж, не поела и даже не выпила стакана воды – намеревалась перекусить в аэропорту, когда станет всё ясно с билетом. В ожидании самолёта можно попробовать набрать свой домашний номер ещё раз – вдруг Артём уже вернулся?

Раньше, когда мужа не оказывалось дома, Саша и не думала так нервничать. Работа требовала от Артёма полной самоотдачи, и Саша не смела мешать ему делать карьеру. Истерик не устраивала, напротив, свила гнёздышко и обеспечила Артёму крепкий, надёжный тыл, прекрасно зная, что от неё требуется именно это. И до недавнего времени не со-

мневалась в том, что Артём так же беззаветно предан семье, и ни о чём, кроме её благополучия, не думает.

Александра бежала по улице Чайковского к Литейному, надеясь там поймать такси – из гостиницы вызвать машину не удалось. Брюки пристали к ногам, рубашка плотно облепила тело, а волосы залезали в рот, падали на глаза; жаркий сладковатый ветер чуть не унёс с головы шляпку. Если только повезёт сейчас, в машине можно будет отдохнуть, привести себя в порядок, просто подремать – дорога-то долгая.

Эти места она знала – неподалёку от гостиницы, на Моховой, жила какая-то папина знакомая, которая однажды пригласила всё семейство Александра Ивановича Шульги на зимние каникулы. Из Кишинёва приехали отец, мать, Лесенька и её старший брат Павел. Восьмилетней девчужке, родившейся на юге, сумрачный величественный город долго внушал почтительный страх. И потом Леся с восторгом вспоминала Адмиралтейскую иглу, купающуюся в морозном тумане, каток во дворе дома, купол церкви на фоне усыпанного звёздами чёрного неба, и удивлялась, что в Ленинграде такие короткие дни.

Потом эта знакомая, тётя Галя, приезжала в Кишинёв на папины похороны. Огромный, толстый, весёлый украинец с усами подковой, хлебосольный и работающий, он неожиданно умер три года назад, хотя, по общему мнению, он мог дотянуть до столтника. Он сильно простудился, но не хотел оставлять своё автохозяйство, пил водку и принимал аспи-

рин, что спровоцировало сильнейшее желудочное кровотечение.

Это был первый удар, обрушившийся на Лесю. А за ним последовал второй – у матери, Ариадны Константиновны, случился инсульт. Александра с мужем и дочерью как раз отдыхала в Швейцарии и узнала о случившемся лишь по возвращении. Если бы не дефолт, не неприятности Артёма, они обязательно поехали бы в Кишинёв, навестили маму, как делали каждый год. Но теперь, услышав жуткие предсказания, нельзя везти своё горе в родной дом, расстраивать мать ещё больше, отнимать у неё уверенность в том, что хоть Лесенька, да в порядке. И деньгами родные не помогут – мать, да и брат с семьёй, сносно существовали именно благодаря Александре и Артёму.

Сколько проживёт Ариадна Константиновна без дорогих лекарств, без дочкиной заботы, неизвестно, потому что Павел к новой жизни не приспособился. Он был, как и отец в молодости, таксистом, имел на иждивении жену-инвалида, и не раз, стыдясь, обращался к сестре с зятем за помощью. Оплатить сложнейшую онкологическую операцию Аурики, отправить невестку в заграничный пансионат, смогла только Саша. Теперь Аурика почитает её, как родную мать, и это, конечно, приятно, но в практическом плане никакого толку.

Саша остановилась на углу Литейного и улицы Пестеля, с трудом подняла руку, и одна из жёлтых «Волг» затормозила.

– В аэропорт поедете? – Сашин голос сел, прозвучал сип-

ло, грубо. Водила, недолго думая, отрицательно замотал головой. Два его пассажира тоже особого восторга не выразили. – Нет? Извините.

Со злостью захлопнув дверцу, Саша вновь принялась высматривать такси, потом вспомнила и о частниках, но в «Пулково» её никто везти не хотел. Чего-то водилы пугались – наверное, принимали Сашу за подсадную утку или халявщицу.

Времени совсем не оставалось, и Саша решила идти на метро, хотя давным-давно этим транспортом не пользовалась. Но ведь обходятся же как-то люди без машин, и ничего, живы-здоровы. Чтобы не делать пересадку, лучше сразу же сесть в вагон на станции «Невский проспект» и ехать по прямой до «Московской». Но как не хочется топтать, да и каблук на ладан дышит, пятка стёрта, к тому же постоянно тошнит. Лишь бы не вырвало прямо тут...

Саша прикрыла глаза, чтобы не видеть людей, которые то и дело пихали её в бока, и машины, слепившие блеском стёкол. Выхода нет, удача отвернулась от неё, от всех них. Пришлось забыть о комфортном домашнем существовании, снова, как когда-то, приучаться вставать в шесть утра. Вот уже неделю Саша жила прежней, казалось, навсегда забытой жизнью трудящейся матери семейства, с той лишь разницей, что в лицей её подвозил личный шофёр Артёма. Не выспавшаяся, раздражённая, она ехала к Павелецкому вокзалу из Крылатского, испытывая отвращение к бытию и самые на-

стоящие физические муки.

Как только Артём Лукьянов понял, что его фирма разорилась из-за обвального падения курса рубля по отношению к доллару, и вместо ожидаемой прибыли ему обеспечены громадные убытки, он поспешил устроить жену на работу. В случае чего, Саша должна иметь средства к существованию – правда, весьма скромные. К тому же нужно было учить дочку в школе «Ретро», что обходилось весьма недёшево.

По объявлениям в газетах и на биржу не обращались, резюме не рассылали. Просто Артём обзвонил друзей и выяснил, куда требуется секретарь-референт с дипломом МГУ, курсами Министерства иностранных дел, знанием трёх языков, опытом переводов, да ещё уверенный пользоваться компьютера. Такого специалиста, да ещё с солидной протекцией, оформили в лицей при респектабельной академии немедленно, но Саша боялась, что долго там не продержится. Милейший директор лицея Сергей Николаевич ещё не знает, что его секретарь-референт ждёт ребёнка, а такое сейчас не поощряется...

Проработав только неделю, Саша попросила отгул – конечно же, не последний. Сергей Николаевич разрешил отлучиться восьмого сентября, но при этом дал понять, что очень недоволен. А это уже плохо, могут найти другого секретаря, более исполнительного и менее загруженного семейными проблемами. Дела в фирме Артёма вряд ли быстро наладятся, ведь компьютерные технологии для продажи в России за-

купались за границей. Платили за них в долларах, здесь продавали за рубли, а когда бакс прыгнул вверх, переведённая по новому курсу выручка оказалась ничтожно малой. Фирма задолжала крупной западной компании, от имени которой действовала в родном Отечестве. Но это – не те долги, о которых Саша слышала от астролога. Не те...

На любовницу муж, получается, тоже потратил немалую сумму. Кого же он завёл от красавицы Саши, которая никогда ему в близости не отказывала? Деньги действительно из дома утекали, но до недавнего времени Саша думала, что муж помогает своим тульским родичам. Особенно нуждалась в финансовой подпитке младшая непутёвая сестрёнка Татьяна. Она нигде не работала, мечтала повторить звёздный путь Клаудии Шиффер и на более скромную долю не соглашалась. Всё время участвовала в каких-то незначительных конкурсах, а перед тем подолгу тренировалась, хотя в её двадцать три года надеяться на что-то серьёзное было уже поздно.

Изредка Таня выигрывала скромные призы, но предложений о заключении контрактов от солидных агентств не получала. Живя мечтой однажды взять своё и проснуться знаменитой. Таня красовалась на выставках в качестве зазывалы, то и дело меняла ухажёров, репутация которых оставляла желать лучшего. Не об этих ли дружках говорилось сегодня в астрочентре? Не через Татьяну ли действовали конкуренты или бандиты? Могли уговорить амбициозную девицу об-

ратиться к брату за помощью или организовать знакомство с Артёмом.

Саша всегда считала, что золовке сразу же следовало идти на панель – никакой другой карьеры ей всё равно не сделать; разве что можно найти «папика» с карманом. Но Артём и слушать о таком не хотел – он отвечал за будущее сестры перед их покойной матерью. Та, кстати, покончила жизнь самоубийством – повесилась, когда Таньке было три года, а Артёму – семнадцать.

Надо бы по возвращении в Москву Татьяне позвонить, но, кажется, та собиралась за границу с очередным бойфрендом, афганцем-стриптизёром. Да ещё неизвестно, на чьи деньги – его или Артёма. Нет, лучше обо всём спросить у мужа – он изредка испытывает потребность выговориться. Кто знает, вдруг ему сегодня захочется облегчить душу перед любимой супругой – ведь слишком тяжело на сердце! Надо попробовать поймать «тачку» на Невском, чтобы обязательно улететь сегодня, днём или ранним вечером. Всей дороги-то на три часа максимум, а сам полёт – минут пятьдесят...

Саша купила в ларьке баночку «Кока-колы», открыла её и с жадностью выпила всю сразу, не отрывая взгляда от дороги. Нет, ждать глупо, нужно спуститься в метро. Но там такая толчея, что можно упасть в обморок. И тогда, чего доброго, заберут в больницу, да ещё задержат на сутки-двое. Разумнее будет не глазеть по сторонам, а действовать. Придумать

что-то невероятное, сверхъестественное, чтобы Артём ничего с собой не сделал, почувствовал, как Саше плохо. И чтобы дождался, обязательно дождался её! А там уж что-нибудь сообразим, сейчас бы успеть...

Нет, Артём сестру разбаловал до невозможности! За чем-то снабдил её кредитной картой «Мост Гард» для терминалов системы «Маэстро», какие были и у них самих. Но неужели Танька смогла втянуть брата во что-то серьёзное? И о каких нарушениях закона говорила астрологиня? Любой криминал Саша отметала начисто, ведь Артёму не раз предлагали попробовать себя в качестве хакера, что и делали многие его приятели; но он категорически отказывался. Лукьянов при его-то способностях и увлечённости проблемой мог в этом найти для себя золотое дно, но и мысли о подобном не допускал.

Да, тогда он отказался, а теперь? Вдруг решил рискнуть и стал жертвой шантажа? Разок согрешил, а после не смог отмыться? Но умереть... В тридцать семь лет умереть... Когда так любишь жизнь!.. Да что же с ним стряслось?..

Самое главное сейчас – успокоиться, но это так трудно! Жаль, что она одна в чужом городе, и ни от кого не получить ни помощи, ни поддержки. Хочется припасть к чьей-то груди, выплакаться и услышать простые, понятные, добрые слова. Никаких катастрофических пророчеств – хватит! Ей нужны утешения, старые, как мир, изречения пастыря. Укрепить свою душу возможно лишь в храме, который здесь

рядом, через дорогу. Тот самый купол, оставшийся в памяти, только небо над ним сегодня голубое, и льётся с него золотой свет...

В Спасо-Преображенском соборе Саша никогда не бывала, и очень хотела зайти туда летом, да отвлекли другие дела. А ныне она обязательно войдёт под высокие своды, помолится двум чудотворным иконам – «Всех Скорбящих Радости» и образу Спаса Нерукотворного. Молитва очистит, и придёт успокоение. Они с Артёмом много грешили, поддавались многочисленным искушениям, поклонялись золотому тельцу и совершали поступки, противоречащие воле Бога. И вот теперь, для восстановления внутренней свободы, для того, чтобы собраться с духом, с силами, и отбросить прочь колдовские цепи Сатаны, им и послано тяжкое испытание.

Она вдохнёт ладанный запах, услышит певчих, увидит мудрые спокойные лики. Выплачется всласть, там, где это никого не удивит, не позабавит, не обрадует. Да, они с мужем грешны, но не настолько же, чтобы убивать Артёма! Они самые обыкновенные, не лучше и не хуже прочих. Просто, может быть, им чуточку больше повезло в жизни.

Задерживаться в Питере нельзя – её предупредили; но это ведь и не займёт много времени. Искренняя, горячая, бесхитростная молитва никому никогда не вредила. Возможно, завтра утром Саша Шульга проснётся совершенно другим человеком, и никогда уже не станет прежней – самодоволь-

ной, равнодушной к чужим бедам; и помогать она станет не только родным. А женщина, с которой довелось сегодня поговорить в салоне, всё же только человек. Пусть умный, образованный, имеющий особые способности, но – человек. И не ей равняться с Богом...

Саша придирчиво оглядела себя в витрине, сорвала с головы шляпку и быстро пошла за угол, где размещался платный туалет. Нашла нужную дверь, спустилась по ступенькам, на ходу расстёгивая сумку. Отдала деньги, и тут же, у раковины, тщательно вымыла лицо. Потом, закрывшись в кабинке, достала из саквояжа длинную, в горошек, юбку, которую всегда носила вечерами в гостиницах. Заколола волосы в пучок, обвязала голову шарфиком, поцеловала нательный крестик, прося у Господа прощения и умоляя Его о милости.

Саша быстро скатала брюки, сунула в саквояж шляпу и, преображённая, помолодевшая, вышла на улицу. Навстречу ей попались сразу две машины-такси, но Саша уже не обращала на них внимания. Повинуясь властному зову собственной души, она перешла Литейный проспект и направилась к собору. Должно быть, она ещё не сделала главного, не помолилась о здравии Артёма и Аллы, а потому не смогла уехать. После посещения храма всё сложится совсем не так. Господь услышит её стенания, обязательно услышит, нужно только попасть туда, в царство добра и покоя. И, может быть, искра благодати упадёт на неё, согреет, и елей прольётся на изболевшееся сердце. Артёма спасут, помилуют. Обязательно

помилуют, потому что иначе нельзя.

Саша сначала быстро шла, а потом, ловя ртом воздух, побежала стремглав, словно сама смерть гналась за ней по пятам, и лишь в соборе можно было надёжно укрыться от напасти.

* * *

Саша всегда, на дороге и в жизни, придерживалась одного-единственного правила – «Дай дорогу дураку». Была снисходительной и терпимой к чужим слабостям, а сегодня не узнала сама себя.

За пятнадцать лет у них с Артёмом бывало всякое, но ни разу Александра не унизились до того, чтобы повысить голос на мужа – даже перед тем, как принять внутрь пачку снотворного. Когда из-за всё возрастающих appetитов золовки нервы начинали искрить, она не плакалась по телефону подругам и не прикладывалась к рюмашке; даже к психологам не обращалась, хоть и было это модно в их кругу.

Если гнев стискивал спазмом желудок, застилал глаза и заставлял сжиматься кулаки, Саша просто брала собаку и уходила с ней гулять. Могла часами прохаживаться взад-вперёд по аллее лесопарка и мысленно оправдывать мужа. Пыталась понять, почему он поступает так, а не иначе. И каждый раз приходила к выводу – раз Артём не бросает сестру, значит, он верный, надёжный, и потому им с дочерью нечего

бояться.

Она возвращалась домой, принимала ванну, делала дыхательные упражнения и первая подходила к мужу мириться. Ей очень не хотелось вновь пережить кошмар, случившийся шесть лет назад. Тогда, решив после очередной размолвки наказать супруга, Саша уехала в Кишинёв. А потом туда пришла телеграмма от их общего друга – «Артём тяжело ранен тчк Лежит реанимации тчк Молчанов». В ресторане случилась перестрелка, муж угодил под шальную пулю, и вот тогда Саша, едва не ставшая вдовой, зареклась проявлять характер. Не вытащи тогда врачи Артёма с того света, ушла бы вслед за ним.

– Остановите, пожалуйста. – Саша легонько коснулась пальцами плеча таксиста, и «Волга» немедленно затормозила.

– Извольте.

Бородач всю дорогу слушал радио, и сейчас досадливо дёрнул щекой. Деньги он взял через щель над ветровым стеклом, спрятал их в напоясную сумку и опять включил автомагнитолу.

Александра вздохнула, потёрла ладонью лоб, вспоминая, что сейчас должна делать. Немного придя в себя, направилась к кассам, где и выяснила, что билеты имеются на рейс через два часа. И нужно ждать. Больше всё равно заняться нечем. Есть время переодеться, подкраситься и снять эту дурацкую юбку, чтобы постоянно не наступать на подол.

Приведя себя в порядок, Саша решила позвонить в Москву ещё раз. Может быть, уже вернулась Алла; она и расскажет, как обстоят дела дома. А если повезёт, трубку возьмёт сам Артём. Он же деловой человек, не имеет права долго валяться в позе эмбриона, укрывшись одеялом с головой. Вполне вероятно, что ему пришлось срочно выехать в офис – тем более сейчас, когда нужно решать, как жить и работать дальше. Все кризисы рано или поздно кончаются, и нужно приспособливаться к новым обстоятельствам.

Расхаживая по залам в поисках нужной кабинки, Саша неожиданно вспомнила, как впервые увидела белобрысого увальня Артёма Лукьянова и пожалела его, близорукого и неловкого. В общежитии справляли чей-то день рождения. Как раз шла летняя сессия, и Саше предстояло завтра сдавать очередной экзамен.

Улизнув из шумной прокуренной комнаты, она устроилась в гладильной и, заткнув уши пальцами, принялась зубрить. Ни одного «хорошо» она не могла себе позволить – ведь с «красным» дипломом гораздо легче зацепиться в Москве; именно такую цель поставила перед собой студентка филфака.

Неожиданно в эту же гладильную завалился один из гостей, парень с экономического факультета, уже изрядно набравшийся, да и от природы неуклюжий. Он пыхтел, как паровоз, силясь вдеть нитку в игольное ушко, но результата так и не добился – лишь исколол себе пальцы. Зашвырнув в угол

пиджак без верхней пуговицы, он сидел и обречённо отсасывал кровь.

Прошло полчаса, и только тогда Саша, исподтишка наблюдавшая за ним, соизволила предложить помощь. Артём с радостью согласился, и красавица-молдаванка, отложив учебники с конспектами, проворно пришила пуговицу на место. Ни о каком романе с Артёмом Саша и помыслить не могла – первый неудачный брак внушил ей стойкое отвращение к Адамову племени. Артёму пришлось ещё долго добиваться ответного чувства.

Каждый день в течение двух месяцев влюблённый дарил предмету своей страсти по роскошной розе на длинном стебле, неизвестно откуда добывая на это деньги. Приглашал в компанию для просмотра редкого в ту пору видео, пытался выделиться из толпы заумными словечками и широченными цветными рубашками, рассказывал о своём тяжёлом детстве и одновременно намекал на нынешние солидные связи, благодаря которым можно получить вожделенную прописку.

В конце концов, он сделал Саше предложение. И пока она размышляла, принимать ли руку и сердце, мучился от неизвестности, изобретая новые способы доказать свою состоятельность. Потом признался, что замышлял инсценировать нападение хулиганов на любимую девушку и якобы её спасти, но дело, на счастье, сорвалось. Кроме того. Александра неожиданно дала согласие стать его женой, и необходимость в постановке отпала. Это случилось в известнейшем

кафе «Космос» на улице Горького, прозванном «ёрш-избой», где подавали бесподобное мороженое «Планета» с ореховой крошкой.

Когда они поженились, невесте было двадцать, жениху – двадцать два. Через семь месяцев у них родилась недоношенная девочка, которую пришлось ещё долго выхаживать. Артём радовался вроде бы даже больше Саши, а она, в свою очередь, снова потрясла окружающих силой своего характера. Не воспользовавшись академическим отпуском, продолжила учёбу, а малютку, едва та окрепла, отправила в Молдавию к родителям.

Она считала, что не должна расслабляться, терять год и портить карьеру. Им с Артёмом, как иногородним, обещали московское распределение при условии, что оба окончат университет с отличием, и именно в восемьдесят шестом году. Так и случилось – на Александру и Артёма пришли индивидуальные заявки из столичных учреждений, а молодой семье выделили комнату в коммуналке на Сущёвском валу.

Комната была маленькая и тёмная, но всё-таки в Москве, да ещё в центре. Туда влезали диван, стол, два стула и мини-холодильник. Одежду хранили в двух громадных, приклонённых к стене чемоданах. Но все же это была победа, ещё одна ступенька на пути к успеху. Оба стремились стать кандидатами наук, и Артём в двадцать девять лет защитил диссертацию. Тогда Лукьяновы мечтали всего-навсего накопить на двухкомнатную кооперативную квартиру, чтобы за-

братъ от стариков Аллочку. Им и во сне не могло привидеться будущее благополучие.

Саша ушла с работы шесть лет назад, преспокойно вела хозяйство, воспитывала в холе и неге обожаемую дочь, тщательно ухаживала за собой и восхищалась необыкновенными способностями Артёма. Потом ей надоело сидеть дома. Пришло в голову окончить курсы МИДа сразу по трём языкам – это повышало шансы найти приличную работу. Алла выросла, дел стало гораздо меньше, и Александре захотелось получить престижную должность, предполагающую частые поездки за рубеж.

Всю работу по дому к тому времени исполняли нанятые женщины, потому что Александра стремилась стать настоящей госпожой не занятой уборкой-готовкой, и блистать в свете. Но во время турне по Скандинавии она забеременела, муж упробил оставить ребёнка, и, как оказалось, правильно сделал. Аллочка скоро покинет родительский дом, уедет на стажировку в Оксфорд или выйдет замуж. А малыш поможет забыться, прогонит тоску. Тридцать пять лет – ещё далеко не старость.

Когда она вставила карточку в прорезь телефонного аппарата, сердце ёкнуло, а коленки задрожали. С трудом вспоминая собственный номер, Саша нажимала кнопки, а потом очень долго слушала бесконечные, безнадёжные гудки. Значит, и Алла ещё не вернулась. Но так бывало часто – дочка заходила к подружке, Насте Молчановой, приёмной доче-

ри Никиты, друга Артёма – того самого, что посылал телеграмму о ранении. Марина, мать Насти, была приятельницей Александры, и жили они на одной площадке. Девчонки вместе выгуливали собак во дворе, катались на роликах в Серебряном Бору или в Суворовском парке.

Скорее всего, Никита, если он дома, сможет помочь, постарается найти соседа и друга по сотовому телефону. Если Лукьянов действительно уехал в фирму, он взял «трубу» с собой. Лишь бы застать кого-нибудь из Молчановых, пусть даже Марину – она тоже не откажет, поищет Артёма, раз Саша так волнуется.

Никита отозвался сразу, и его голос показался глухим, надтреснутым, без обычной смешинки. Но иного и не приходилось ждать – на товарно-сырьевой бирже сейчас, наверное, тоже невесело, и Маринины фирмы плавают, как утки. К тому же супруги Молчановы недавно вернулись с похорон Маринино отца, из Подмосковья, и ещё не пришли в себя.

– Никита, ты? – Саша, изнемогая от духоты, обмахивалась шляпой.

– Я. Откуда звонишь, Сашка? – Молчанов что-то жевал, потом проглотил. – Из Питера? Ты же туда, вроде, собиралась.

– Да, из аэропорта. Через полтора часа вылетаю домой. Никитушка, милый, ты Артёма не видел сегодня? Никак не могу его найти.

– Нет, я сам только что ввалился. Ты же понимаешь – все

на ушах стоят. Как дальше жить, ума не приложу, и Маринка психованная ходит. Вот и Артём в запарке, некогда пивка попить. Но, если хочешь, я выйду, позвоню в квартиру. У консьержки справки наведу – это ещё надёжнее.

– Консьержку пока не трогай – просто позвони в квартиру. Если не откроет, попробуй разыскать его по мобильному. Поможешь мне, лапочка?

– Нет проблем. Позвони через полчаса, и я скажу, чего добился.

– Договорились. Заранее благодарю.

Саша повесила трубку, спрятала в сумочку карту и вдруг почувствовала волчий голод. Взять бы стаканчик сока и бутерброд с сыром, пожевать перед вылетом! Ведь весь день маковой росинки во рту не было. Как раз и пройдёт полчаса, и тогда Никита сообщит что-то новенькое. Вполне возможно, что она зря весь день колотится в истерике, и муж объявится как раз к вечеру. Надо ещё узнать, не у Насти ли пропадает Аллочка, за неё тоже всё сердце изболелось. Скорее бы вылететь, а там...

Аэровокзал гудел пчелиным ульем. Люди на все лады обсуждали события в Москве и гадали, кого же выберут премьер-министром. Мужики к тому же спорили на бутылку, распустят ли Государственную думу. Ревели дети, то и дело объявляли о начале и об окончании посадки на самолёты, общались, что прибыл новый рейс. Саша наконец-то нашла буфет, отстояла небольшую очередь, сразу же съела оба бутер-

брода, выпила сок, и захотела есть ещё сильнее, чем прежде.

Если судьба родителей имеет влияние на жизнь человека, то Артём вполне может... Господи, как она раньше-то не подумала? Свою свекровь Нинель Матвеевну Лукьянову Саша не знала, только слышала, что та удавилась в ванной после ухода из семьи отца Артёма – Михаила Ильича Медникова. Нинель Матвеевна с ним не регистрировалась. Она восемнадцать лет обихаживала мясника с тульского рынка, а ведь он официально был ей чужим, посторонним, не имеющим никаких обязательств.

Когда Медникову стукнуло сорок, а Нинели – сорок восемь, он в деревенской церквушке обвенчался с молоденькой торговкой. Ведь в паспорте у него не было брачного штампа. Узнав о случившемся, Нинель прогнала Медникова из квартиры, начала сильно пить и в тоге свела счёты с жизнью. Михаил и бровью не повёл, собрал вещички и отбыл к венчанной жене, с которой позже сходил и в ЗАГС. Детей воспитывали родители Нинели, а отец ими не интересовался и не давал денег.

Спустя десять лет после свадьбы он застал жену с любовником и в завязавшейся драке пустил в ход нож. Сел на восемь лет, два года как вышел. Саша знала об этом от бабки мужа, а сам Артём никогда об отце не вспоминал – говорил, что противно.

Едва дождавшись, когда длинный парень в замшевой куртке закончит долгий эмоциональный разговор, Саша

схватила трубку, опять набрала номер Молчановых и, барабаня пальцами по стене, стала ждать ответа.

– Сашка? – Никита говорил не так, как в первый раз. Он проглатывал слова и запинаясь. – Слышь, я Артёма нигде не могу найти! До двенадцати он был в офисе, потом, секретарша сказала, ему кто-то позвонил. И Артём, как ошпаренный, выскочил из кабинета. Буркнул что-то, но Люба ничего не поняла. Никто из наших общих знакомых его тоже не видел, и в квартире тихо. Я несколько раз принимался звонить, но толку – ноль; мобильный не отвечает. Я вот жду, когда девочки придут...

– Они задержались в школе? – перебила Саша.

– Их автобус сломался по дороге. Пришлось около часа ждать, пока починили. Жаль, что у меня ключа вашего нет, а то собака скулит. Я бы сходил, погулял с ней. В следующий раз ключи-то оставь.

– Обязательно, Никитушка, оставлю. Я-то думала, что Артём её выведет или Алка. – Саша улыбалась, хотя чувствовала, как руки и губы немеют. – Если кого-то из них увидишь, скажи, что вечером буду в Москве. Или пусть Марина скажет – вдруг раньше с ними встретится...

– Сам её жду, – вздохнул Молчанов. – Ну, как там Питер?

– Стоит.

Саша глубоко дышала, пытаясь убедить себя в том, что выяснится, образуется. И она посмеётся над своими страхами...

– Отлично. Короче, я всё сделаю, как ты сказала. Счастливо тебе долететь!

– Спасибо, Никитушка. До встречи.

Саша, усталая и подавленная, отошла от автомата, наступая на чьи-то ноги и машинально бормоча извинения. Она вспомнила, что нужно пройти регистрацию, а после нашла место на диванчике, втиснулась между двумя тётками. Поставила саквояж на колени, глянула на часы, пальцами вытирая слёзы. Глаза щипало, и каблук совсем разболтался.

Надо ждать вылета – ничего больше Саша сейчас не может сделать. Слишком большое расстояние отделяет её от Артёма, от дочери, и из Петербурга мать семейства не в силах докричаться до них. Она сидела и шептала какие-то слова, бессвязные и жалобные, не обращая внимания на соседок-пенсионерок и их надоедливых внуков.

– Зачем ты это сделал? Ввязался в какие-то авантюры, да ещё скрывал это от меня, подруги своей, давней и верной? Пусть ты изменил мне, но у нас есть дочь. И мы обязаны делать всё для того, чтобы она была счастлива. У Аллы вся жизнь впереди, она красива и умна, уже имеет неплохое образование. Мы с тобой позаботились об этом. Ты не смеешь отнимать у Алки будущее, подставлять её под удар, вынуждать расплачиваться за собственные ошибки. Я вижу нашу дочь во всех отношениях успешной, а ты разве другого хочешь? Ради неё мы так долго гнули спины, вырывались из коммуналки, делали деньги. Алка не должна знать тесноты,

нужды и злобы. Компьютерный ребёнок, она и жениха себе найдёт в Интернете. Она уже через Сеть общается со студентами Гарварда, Принстона и Оксфорда. Кто-то из них вполне может стать мужем нашей дочери. Ты этого хочешь её лишить? Подстрелить свою кровинку на взлёте? Но я буду драться за Алку, за любимую свою не улыбу и тихоню, до последнего вздоха! Я закрою её своим телом, приму в себя все стрелы, выпущенные по ней. И тебя спасу, только дождись меня! Выслушай, подумай ещё раз, доверься мне. Будь мужчиной, собери волю в кулак, а я буду твоей опорой, твоим оруженосцем. Я буду с тобой до самого конца, до того момента, когда прервётся полоса неудач. А если мы погибнем, то вместе, простив всё друг другу. Только так я представляю себе достойную жизнь и достойную смерть. Ведь падать духом и сдаваться без боя – тяжкий грех. Ты сам говорил мне об этом...

По трансляции сделали какое-то объявление, и Саша заметила, что вокруг задвигались, засобирались, схватили сумки и пакеты. Прислушавшись, пока поняла, что идти на посадку. И что прошло сорок минут чистого времени с тех пор, как она пристроилась в тесной шине на диванчике.

Прощай, Питер! Надеюсь, что следующее наше свидание окажется более приятным. Я обязательно вернусь, когда всё кончится.

Схватив саквояж, Саша устремила к выходу из зала, и тут, предательски треснув, от её туфли отскочил каблук.

Истекал ещё один час – мучительный, тягучий час перелёта. Саша смотрела в иллюминатор, притопывая ногами в домашних тапочках, в которые переобулась, заняв своё место; больше у неё с собой никакой обуви не было. Но уже скоро стюардесса попросит пассажиров пристегнуть ремни, сообщит, что самолёт совершает посадку в Москве и объявит температуру воздуха за бортом. Интересно, так ли здесь жарко, как в Питере, или нужно доставать из саквояжа куртку? Скорее всего, нужно, – неизвестно, сколько времени придётся ждать «колёса», а темнеет и холодает в Москве осенью куда быстрее.

Рядом дремал парень – жертва пирсинга, с проколотыми губами, бровями и носом. Своим сальным длинным хвостом и потёртой джинсовой курткой он кого-то напоминал Саше. Наконец она сообразила, кого именно. Та же привычка безмятежно похрапывать в присутственном месте, запах пота и табака, рука в грубых перстнях, постоянно сползающая с подлокотника на Сашино колено... Да, он очень похож на Филата Грицая...

Когда-то Леся Шульга носила длинную толстую косу, в бездонных глазах её, будто в омутах, тонули мальчишки и юноши. Никто бы и представить себе не мог, что Леся выберет в мужа курносого круглолицего толстяка со смешной чёлоч-

кой, да ещё полюбит его верно и преданно. Наверное, так получилось потому, что Артёма она невольно сравнивала с первым мужем, брак с которым получился скоротечным и очень неприятным. Свёкром юной золотой медалистки оказался Мирча Грицай, лысый мужчина с громадным носом – один из первых капиталистов Кишинёва. А в те годы – воротила теневого бизнеса, имеющий подпольные фабрики по пошиву кофточек и босоножек. Уже тогда он купил белый «Мерседес».

Про него ходили легенды – одна занимательнее другой. Знающие Мирчу уверяли, что он патологически падок на женскую красоту, устраивает оргии в банях и ездит в круизы по тёплым морям на собственной яхте, да ещё приходится роднёй кому-то из партийного начальства республики. Вина за его столом лились рекой, икру ели ложками. Сашу потчевали клубникой со сливками, ананасами и особенным, розово-прозрачным виноградом. Но на сыне гения природа, как водится, отдохнула. Прыщавый и неряшливый Филат только и делал, что позорил отца перед всем честным народом. Дошёл даже на того, что отрубил себе фалангу пальца, надел на него золотой напёрсток и цепочкой прикрепил его к запястью.

Мирча откровенно желал получить свободный доступ к Лесе, и поэтому буквально с плёткой в руках заставил отпрыска сделать красотке предложение. Директор таксопарка Шульга согласился, уговорил дочку, и счастливые отцы от-

грохали за пределами пышную свадьбу – сразу же после Лесиного выпускного вечера. Но воспользоваться шансом Мирча не успел – через месяц молодые развелись. Филат оказался гомосексуалистом и согласился на брак только для того, чтобы напакостить бросившему его партнёру.

Саша уже в третий раз взяла с подноса у стюардессы стаканчик с минеральной водой, но болезненная жажда не проходила. Внизу, освещённая прощальными лучами солнца, под кисеей перистых облаков, летела земля, а в лиловой вышине над самолётом радостно перемигивались звёзды. Саша старалась не думать о том, что её ожидает дома, и, чтобы отвлечься, вспоминала Филата, своего первого мужа.

Развод его совершенно не опечалил. Ведь хитрость удалась, и любовник вернулся весь в слезах. Суровый папаша, правда, повторно загнал наследника под венец, но в первую же ночь Филат едва не придушил новобрачную за нежелание заняться оральным и анальным сексом. Следы Грицай-младшего затерялись в Арабских Эмиратах, где он был арестован за попытку склонить к сожителю местного юношу. Мирча ничем не смог помочь сыну, сильно расстроился и получил обширный инфаркт, после чего прожил совсем недолго.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.